

Серафим Вырицкий

Иеросхимонах Серафим (Муравьев)

Были великие молитвенники о победе над врагом и в России, такие как иеросхимонах Серафим Вырицкий.

С первых дней войны отец Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия. С 1930 года он жил в Вырице, под Ленинградом. Современники оставили свидетельства, что с 1935 года, когда на Церковь обрушились страшные гонения со стороны властей, Серафим Вырицкий начал моления на камне перед иконой Серафима Саровского.

С началом Великой Отечественной старец усилил подвиг моления на камне - стал совершать его ежедневно. В самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не

погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма. Вот о каком удивительном случае рассказывают старожилы Вырицы.

...В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма, и приказал взорвать церковь. Для этого со станции была отправлена команда подрывников - лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, сказав, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в суматохе не был заперт...

Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного револьверного выстрела и бросились к храму. Лейтенант лежал бездыханным, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление, и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы была сохранена от уничтожения...

*Казанская церковь в
Вырице*

И еще чудо: немцы, заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из... православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, исповедовавших Православие, да еще говоривших по-русски,

вряд ли кто мог предположить.

Осенью 1941 года по многочисленным просьбам жителей Вырицы храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения. Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но видя, как последние молятся и соблюдают чин службы, привыкли.

Это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

Такова правда (к сожалению, не все об этом знают) о молитвенной помощи, которую оказала Родине Церковь в годы войны.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий

Ярким примером выполнения патриотического долга можно считать жизнь священника В. Ф. Войно-Ясенецкого (1877-1961).

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий - хирург, доктор медицины. До 1917 года он был врачом в ряде земских больниц средней России, позднее - главный врач Ташкентской городской больницы, профессор Среднеазиатского государственного университета. Автор 55 научных трудов по хирургии и анатомии, а также десяти томов проповедей. Наиболее известна его книга "Гнойная хирургия".

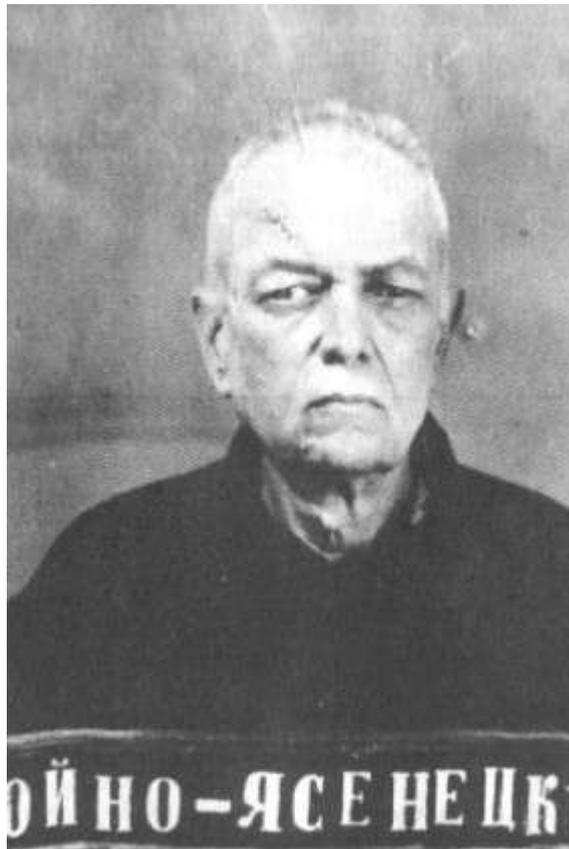
Слева на фото Епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский), справа священник Валентин Войно-Ясенецкий

В начале двадцатых годов под именем Луки постригся в монахи, был рукоположен в сан епископа. Многократно подвергался арестам и административным ссылкам. Избран почетным членом Московской Духовной академии в Загорске.

Награды: премия Хойнатского от Варшавского университета (1916 г.); бриллиантовый крест на клобук от Патриарха Всея Руси (1944 г.); медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне" (1945 г.); Сталинская премия первой степени за книги "Гнойная хирургия" и "Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов" (1946 г.).

Он читал студентам лекции, произносил доклады на научных съездах и конференциях и проповеди в церквях.

6 мая 1930 года В. Ф. Войно-Ясенецкого арестовали, и только через год - 15 мая 1931 года - решением чрезвычайной тройки ОГПУ он был приговорен к ссылке на три года с исчислением срока со дня ареста.

*Осужденный Войно-Ясенецкий
(фото из тюремного дела)*

А 13 декабря 1937 года, на следующий день после первых выборов в Верховный Совет СССР по новой Конституции, Войно-Ясенецкий был снова арестован, по стандартному тогда обвинению в шпионаже... в пользу Ватикана!

В невероятно тяжелых условиях тюрьмы, подвергаясь непрерывным допросам днем и ночью, лишенный сна, с распухшими от долгого стояния ногами, Валентин Феликсович объявил голодовку. Но допросы продолжались, и он падал от истощения. Ведь Войно-Ясенецкому было уже 60 лет.

В состоянии крайнего истощения Валентин Феликсович был помещен в тюремную больницу. Однако и там, несмотря на свое тяжелое состояние, он по

долгу врача и священника старался оказывать другим заключенным посильную помощь.

Начало Второй мировой войны застало Войно-Ясенецкого в третьей ссылке.

С первых дней Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий буквально "бомбардировал" начальство всех рангов с требованием предоставить ему возможность лечить раненых. По воспоминаниям И. М. Назарова, бывшего начальника Енисейского пароходства, он отправил Калинин телеграмму следующего содержания: "Я епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являюсь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта и тыла, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука".

Разрешение было получено. 30 сентября 1941 года ссылный профессор Войно-Ясенецкий переводится в г. Красноярск для работы консультантом в многочисленных госпиталях, имевших более 10 тысяч коек.

Ленинградский писатель Юрий Герман рассказывал:

"В начале Великой Отечественной войны Сталин вызвал к себе академика Бурденко, главного хирурга Красной Армии.

- Что вам нужно для нормальной работы? Чем партия и правительство могут помочь фронтовым медикам? - спросил Сталин.

- Нам нужен профессор Войно-Ясенецкий,- ответил Бурденко.- Это замечательный хирург и ученый.

- А где он?

- В ссылке.

- Дадим вам вашего Войно-Ясенецкого,- ответил Сталин.

И вскоре после того Валентин Феликсович был освобожден из ссылки в деревне Большая Мурта, где-то на Енисее. Сталин сам распорядился, чтобы ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, и направили его командовать всеми госпиталями Сибири".

Через несколько дней Войно-Ясенецкий был назначен главным хирургом-консультантом сводного пензенского госпиталя.

Кроме того, по ходатайству Патриарха Алексия ему было разрешено своего рода негласное совместительство в качестве архиепископа Рязанского, Тамбовского и не помню еще какого. Но в госпитале он всегда ходил в халате, одетом поверх архиерейской одежды".

С первых же дней работы в Красноярских госпиталях он трудился самоотверженно. Много оперировал, все свои силы и знания отдавал обучению молодых хирургов и, как всегда, тяжело переживал каждую смерть. Питался плохо, часто не успевал даже получать продовольствие по своим карточкам.

В операционной у него висели иконы, а перед операцией он разрешал больным целовать крест, висевший у него на груди.

До болезни в 1942 году Святитель Лука делал по 4-5 операций в день, работая по 8-9 часов, но после болезни он был вынужден сократить свой рабочий день.

Синод назначил Луку епископом Енисейским и Красноярским. В первый день принятия сана он отслужил молитву о даровании победы над немецко-фашистскими захватчиками, призвал прихожан к пожертвованиям на танковую колонну. В. Ф. Войно-Ясенецкий делал патриотические воззвания, учил паству милосердию и соблюдению заповедей. Сейчас в Красноярске поставлен памятник Святому Луке, на здании школы № 10 установлена мемориальная доска.

1946 год был знаменательным в жизни Войно-Ясенецкого. Представленные Наркоматом здравоохранения его фундаментальные работы "Очерки гнойной хирургии" и "Поздние резекции при инфицированных ранениях суставов" были удостоены Государственной (тогда Сталинской) премии первой степени в 200 тысяч рублей.

Независимый Валентин Феликсович не устоял против посылки Сталину благодарственной телеграммы по поводу высокой награды, написанной в несвойственном ему высокопарном стиле того времени:

"Москва. Генералиссимусу И. В. Сталину. Прошу Вас, высокопочтимый Иосиф Виссарионович, принять от меня 130.000 рублей, часть премии Вашего

славного имени, на помощь сиротам, жертвам фашистских извергов. Тамбовский архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, профессор хирургии".

Вскоре была получена ответная телеграмма:

"Тамбов. Тамбовскому архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, профессору хирургии. Примите мой привет и благодарность правительства Союза ССР за Вашу заботу о сиротах, жертвах фашистских извергов. Сталин".

Публикация этих телеграмм в печати дала повод для слухов, будто бы Войно-Ясенецкий встречался и беседовал со Сталиным, который в одной из встреч задал ему "каверзный" вопрос:

- Профессор! Во время операции Вам ведь не приходилось встречаться с человеческой душой?

- С совестью мне тоже не приходилось встречаться, но она тем не менее существует, - будто бы ответил Валентин Феликсович.

В действительности Войно-Ясенецкий со Сталиным никогда не встречался. Однако этот мифический диалог весьма красноречиво свидетельствует о мироощущениях врача и священника.

Памятник Войно-Ясенецкому

Легенд о Войно-Ясенецком существовало много.

"В Красноярске Луку уважали, прикрепили к обкомовской столовой, из закрытого магазина все ему привозили. Открыл он в Николаевке церковь. Народ повалил в церковь валом. Верующие денег накидали несколько мешков. Зовут Луку эти деньги считать, а он и говорит: "Что мне их считать, везите все в банк, там сосчитают, пускай все идет на оборону Родины".

С николаевской кладбищенской церковью в Красноярске связывают и такой случай. В церкви этой епископ Лука служил и проповедовал по субботам и воскресеньям. Народу всегда было полно. Живого епископа с каких пор уже в городе не видывали. И вот однажды, во время проповеди, к церковным дверям с грохотом подлетел мотоцикл, и солдат-вестовой полез через толпу с пакетом к Луке. Бабы на него, конечно, зашикали, заругались. Пакет же с печатями пошел по рукам и дошел до проповедника. Епископ прервал свое слово, открыл пакет, прочитал, что там было написано, и сказал: "Православные христиане! По законам нашей церкви пастырь не должен покидать во время службы и проповеди свое место. Но вот получил я письмо, где сказано, что солдат раб Божий такой-то умирает в госпитале и нуждается в моей епископской и врачебной помощи. Да простит меня Бог, и вы простите, христиане православные, но должен я поторопиться к этому раненому".

Сошел Лука с амвона, сел в мотоциклетную коляску и умчался. А верующие прихожане решают его ждать. Ждали его всю ночь. А под утро он приехал уже на машине, взошел на амвон и возгласил: "Благодарение Богу, раненный на поле брани солдат раб Божий такой-то спасен". Что тут началось! Люди падали на колени, кто "многие лета" кричит, кто молится. Ну и он благодарственный молебен отслужил. Случай этот по всему городу скоро разнесся, и на фронт из Красноярска пошло много посылок с подарками и теплыми вещами для наших бойцов".

С именем архиепископа Луки у многих красноярцев, жителей Тамбова и Симферополя, связаны воспоминания о счастливых исцелениях. В народной памяти Войно-Ясенецкий выступает чаще как неотразимый хирург, но в одном дошедшем до нас эпизоде он проявил себя, по всей видимости, неплохим психотерапевтом.

"Дело было в Сибири. В одном военном госпитале лежал контуженный молодой солдат. На фронте он потерял дар речи. Врачи ничего поделать не могли. И вот однажды идет профессорский обход. Впереди сам епископ. Спрашивает врача: "А тут кто у вас лежит?" Тот докладывает: так, мол, и так, больной, лишенный речи после контузии. Архиепископ рукой эдак повел, всех из палаты выпроводил и на край койки сел. Взял солдата за руку и спрашивает: "Хочешь научиться говорить?" Тот, конечно, кивает. "Ты женщину когда-нибудь любил?" Тот кивает. "Помнишь ли имя первой, самой первой своей любимой?" Солдат кивает головой. "Назови это имя". Солдат - и-их - не получается, не может он ничего выговорить. Лука тогда встал и говорит: "Каждый день с утра до вечера тверди это имя. И с этим именем к тебе вернется речь". Прошли сутки, вторые. Солдат старается, мычит, а имени выговорить не

может. На третью ночь заснули все в палате, и вдруг будит солдата сосед: "Проснись, дурень, ты же кричишь. Таню какую-то поминаешь". Проснулся солдат и заговорил. Немоты как не бывало".

А вот письмо из Тамбова. Со слов своей покойной подруги врача В. П. Дмитриевской учительница-пенсионерка О. В. Стрельцова описывает следующий эпизод:

"При обходе больных красноармейцев госпиталя Владыкой Лукой в качестве врача один больной красноармеец позволил себе обиду нанести ему, сказав - зачем здесь ходит длинноволосый. И что же получилось: в тот же вечер этому обидчику было возмездие и вразумление. Ночью в двенадцать часов случился с ним смертельный приступ, который вразумил его, и он, больной, потребовал врача с просьбой вызвать к нему Профессора, то есть Владыку Луку.

Он приехал ночью же, вошел в палату к больному, который со слезами просил прощения у Владыки-Профессора за свою обиду и умолял спасти ему

жизнь, так как он, больной, чувствовал уже приближение смерти. Владыка дал команду немедленно приготовить все к срочной операции. Принесли больного, подготовили к операции. Владыка, как обычно в таких случаях поступал, спросил больного, верует ли он в Бога, так как не профессор возвратит ему жизнь, а Бог рукой доктора.

Больной, не прекращая слез, ответил, что он теперь верует и сознает, что он поплатился за грубую насмешку над Владыкой-Профессором. Владыка-Профессор, сделав очень серьезную операцию срочную, возвратил больного к жизни. Этот случай очень подействовал на всех больных госпиталя".

Святитель Лука Войно-Ясенецкий

Материальный вклад в победу

Следует особо отметить материальную поддержку армии, которую взяла на себя Православная Церковь.

Уже с первых месяцев войны практически все православные приходы начали сбор средств в созданный фонд обороны. Верующие жертвовали не

только деньги и облигации, но и изделия (а также лом) из драгоценных и цветных металлов, вещи, обувь, полотно, шерсть и многое другое.

На средства, собранные Церковью, была создана воздушная эскадрилья имени Александра Невского.

Колонна танков св. Димитрия Донского

Особую страницу в летописи войны составляет создание на церковные средства танковой колонны "Димитрий Донской". Не существовало на свободной от фашистов земле почти ни одного, даже сельского, прихода, не внесшего свой вклад в общенародное дело. Сорок танков "Т-34", которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной Армии состоялась у дер. Горелки, северо-западнее Тулы, по месту расположения комплекующих военных лагерей. Грозную технику получили 38-й и 516-й отдельные танковые полки. К тому времени оба прошли нелегкие боевые пути. Первый участвовал в боях на Демянском плацдарме, под Вязьмой и Ржевом, освобождал города Невель и Великие Луки, бил врага под Ленинградом и Новгородом. Вторым, что особенно примечательно, до получения "тридцатьчетверок" от Русской Православной Церкви с честью оправдывал доверие дальневосточной молодежи, пройдя дорогами войны на танках колонны "Хабаровский комсомолец".

По-разному сложится военная судьба боевых машин "Димитрия Донского". Короткой и яркой будет она для 38-го полка, продолжительной и скрытной окажется у 516-го. Но 8 марта 1944 года, в день вручения общецерковной колонны, они стояли на одном заснеженном поле.

*Митрополит Николай (Ярушевич)
благословляет бойцов Красной Армии*

Учитывая высокую значимость патриотического акта верующих, в день передачи колонны состоялся торжественный митинг, на котором перед танкистами по поручению Патриарха всея Руси выступил митрополит Крутицкий Николай. Это была первая официальная встреча представителя духовенства Русской Православной Церкви с бойцами и командирами Красной армии. Нет, не по инициативе и без поддержки Сталина. На приеме присутствовали: от военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной армии - генерал-лейтенант Н. И. Бирюков, от Русской Православной Церкви - Патриарх Московский и всея Руси Сергей, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей и митрополит Крутицкий Николай.

Долгие годы, в силу существовавшей внутренней политики государства, этот факт скрывался под грифом "секретно". Сегодня можно ознакомиться с краткой стенограммой речей на приеме. Они не содержат тайн, а всего лишь выражают единство чувств и стремление людей полярных мировоззрений, но скрепленных преданностью Родине в ее трудный час.

Генерал-лейтенант танковых войск Н. И. Бирюков:

"Разрешите мне, Иван Николаевич (Страгородский Иван Николаевич - имя Патриарха Сергея до пострижения в монахи), прежде всего, поблагодарить Вас от имени военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной армии как организатора большого благородного и патриотического дела, направленного на оказание помощи Красной армии в разгроме врагов

человечества - фашизма. Разрешите также вместе с этим заверить Вас, что те танки, которые мы построили на средства духовенства Русской Православной Церкви и всех верующих, вручены достойным людям, которые не останутся перед тем, чтобы отдать жизнь свою за освобождение нашей Родины от врагов, от немецких фашистов...".

Сергий - Патриарх Московской и всея Руси:

"Очень рад, что маленькое начало сделано. Мы ни на минуту не сомневаемся и не сомневались, что все простые люди, любящие нашу Родину, конечно, не поколеблются жизнь свою отдать, чтобы исполнить свой воинский долг. Мы не сомневаемся и только можем радоваться, что и мы тут, хотя и ничтожную, но каплю своего участия прибавили к этому общему подвигу, общему труду, что и мы участвуем в этом деле.

Желаю Вам как представителю танковых войск в том числе и нашей колонны, чтобы слава Димитрия Донского почилась и на сегодняшних представителях "Димитрия Донского" и чтобы не только Вы и Ваши соратники наследовали эту славу, но (я попроще скажу), чтобы вы возвратились в целостности назад из этой огненной печи, в какую вам приходится идти и где действовать приходится, чтобы вы здоровыми и невредимыми возвратились домой и радовались бы и с нами со всеми, и с вашими близкими людьми. Дай Бог Вам, чтобы Ваши слова исполнились на деле и чтобы слава Димитрия Донского коснулась и Вас, и всех представителей танковых войск».

Священники разделяли во время войны судьбы прихожан.

Показательна судьба красноярского священника Н. В. Попова. Бывший репрессированный, он за 1943-1945 годы собрал на нужды фронта 620 тысяч рублей. Его стараниями вновь открылась Покровская церковь. Свое прошение о ее открытии Н. В. Попов мотивировал тем, что много людей смогут попасть в храм и послушать проповеди о том, "чтобы сплоченно, дружно и единомысленно встать на защиту нашей дорогой Родины от общего врага". Позже Н. В. Попов стал настоятелем вновь открытой Покровской церкви. В этой церкви всегда, особенно на религиозные праздники, было много посетителей. В 1945 г. церковный совет Покровской церкви включился в фонд помощи детям и семьям фронтовиков. За этот год только для детей погибших воинов и инвалидов войны эта церковь собрала 247 тысяч рублей. Н. В. Попов был награжден медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Владыка Варфоломей, архиепископ Новосибирский и Барнаульский, призывал людей к пожертвованиям на нужды армии, совершая богослужения в храмах Новосибирска, Иркутска, Томска, Красноярска, Барнаула, Тюмени, Омска, Тобольска, Бийска и других городов. Сборы шли на приобретение теплых вещей для бойцов, содержание госпиталей и детских домов, на восстановление районов, пострадавших во время немецкой оккупации и помощь инвалидам войны.

Митрополит Ленинградский Алексей оставался со своей паствой в блокадном Ленинграде на протяжении всей блокады.

Митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей

Лучшие представители православного духовенства оставались верными основным принципам и заповедям христианства. Они оказывали помощь, а нередко и спасали от гибели людей независимо от их веры и национальности. Так, украинский священник Иоанн Карбованец и насельницы Домбокского монастыря близ г. Мукачево, рискуя жизнью, спасли обреченных на неминуемую голодную смерть 180 детей, вывезенных немецкими захватчиками в августе 1943 г. из орловского детского дома.

Весной 1942 года гестапо выявило немало случаев, когда

лица еврейской национальности обращались в православные церкви с просьбой произвести обряд крещения над своими детьми и выдать им об этом свидетельство. Церковь принимала их, надеясь уберечь от гибели. Несмотря на это, все выявленные фашистами евреи, в том числе и дети, были расстреляны.

Протоиерей Благовещенской церкви г. Симферополя Иоанн Крашановский, бывший старший морской священник, не скомпрометировал себя изменой и пользовался горячей любовью и глубоким уважением верующих. Когда Красная армия выдворила немецких захватчиков из пределов Крыма, протоиерей Иоанн с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих г. Симферополя в полуразрушенный немцами собор, совершил благодарственный молебен и произнес замечательную речь, навсегда оставившую след в сердцах слушателей. За молебном о даровании победы присутствовали воинские части. Иоанн Крашановский получил благодарность командования за патриотическую деятельность и материальную помощь раненым бойцам.

В Симферополе проживал особенно уважаемый верующими заслуженный протоиерей Николай Швец, он зачитал в своем кладбищенском храме патриотическое воззвание митрополита Сергия (Страгородского). Воззвание это получил и распространил среди верующих диакон этого же храма отец Александр Бондаренко. Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ, давно мечтавший о молитвенном

общении с Православной церковью. Все они попали в немилость к заведующему церковным подотделом А. Д. Семенову и были расстреляны гестапо. Протоиерея Николая Швеца обвиняли еще в том, что он крестил евреев.

Священник Владимир Соколов в начале 1942 года был назначен в с. Мандуш Бахчисарайского района. Это село не раз переходило из рук в руки. Много жителей его были в партизанском отряде. Священник Соколов все время поддерживал с партизанами связь. Когда спускались в село советские парашютисты, он получал от них газеты и распространял их, с опасностью для себя ходил слушать передачу радицентра через тайный приемник. Немцы сожгли дом неудобного им священника и издали приказ о расстреле всего мужского населения села. К счастью, Соколову с сыном удалось спастись и пробраться в Симферополь. Здесь священник Соколов познакомился со Смирновым, сын и внук которого организовали партизанский отряд в количестве 200 человек и ушли в лес. Соколов со Смирновым снова слушали радиопередачи из Москвы и распространяли полученные сведения. Священник Соколов жестоко пострадал от немцев: две его дочери - 17 и 20 лет - были угнаны в немецкую каторгу.

В Курской области священник села Глебова Павел Андреевич Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

16 февраля 1944 года при взятии города Луги войсками Красной армии генерал Лобанов вызвал ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен.

Многие клирики Русской Православной церкви в годы войны получили государственные награды. Но среди священнослужителей, героически проявивших себя в годы войны, есть имена, которые так и остались неизвестными.

Участие в партизанском движении

Особая страница русской церковной истории военной поры - помощь партизанскому движению.

Священнослужители и верующие активно участвовали в антифашистской борьбе на оккупированных территориях СССР. Летом 1942 года через партизанские подпольные группы почти всему духовенству на оккупированных территориях было передано послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия "К верным чадам Русской Православной Церкви".

Патриарший местоблюститель призывал людей оказывать всяческую поддержку подпольной борьбе с врагом: "Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного

попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена".

Этот призыв получил широкий отклик среди духовенства и простых верующих западных земель - более широкий, чем можно было бы ожидать после всех антихристианских гонений довоенной поры.

И немцы отвечали на патриотизм русских, украинских и белорусских батюшек нещадной жестокостью. За содействие партизанскому движению, к примеру, только в Полесской епархии было расстреляно фашистами до 55% священнослужителей. Справедливости ради, впрочем, стоит отметить, что порой необоснованная жестокость проявлялась и с противоположной стороны. Попытки некоторых представителей духовенства остаться в стороне от борьбы зачастую оценивались - и не всегда обоснованно - партизанами как предательство. За "сотрудничество" с оккупантами только в Белоруссии подпольные отряды казнили как минимум 42 священника.

Перед православным клиром стояла нелегкая проблема выбора: либо помогать партизанам, либо придерживаться установок оккупационных властей.

Приходские священники были тесно связаны со своими прихожанами через исповедь. Благодаря этому в сельских приходах, особенно отдаленных, помощь партизанским отрядам со стороны священников была достаточно частым явлением.

Формы помощи были различными: они снабжали партизан продуктами, медикаментами, предоставляли кров для отдыха партизан, лечили их раненых, доставали документы, писали фиктивные справки, укрывали молодежь, участвовали в разведках и воевали с оружием в руках. Вступление представителей православного клира в партизанские отряды не было массовым, но отдельные случаи имели место.

Масштабное партизанское движение во время Великой Отечественной войны развернулось в Белоруссии.

Лучшие представители православного духовенства оставались верными основным принципам и заповедям христианства. Они оказывали помощь, а нередко и спасали от гибели людей независимо от их веры и национальности. Так, украинский священник Иоанн Карбованец и насельницы Домбокского монастыря близ г. Мукачево, рискуя жизнью, спасли обреченных на неминуемую голодную смерть 180 детей, вывезенных немецкими захватчиками в августе 1943 г. из орловского детского дома.

Весной 1942 года гестапо выявило немало случаев, когда лица еврейской национальности обращались в православные церкви с просьбой произвести обряд крещения над своими детьми и выдать им об этом свидетельство. Церковь принимала их, надеясь уберечь от гибели. Несмотря на это, все выявленные фашистами евреи, в том числе и дети, были расстреляны.

Протоиерей Благовещенской церкви г. Симферополя Иоанн Крашановский, бывший старший морской священник, не скомпрометировал себя изменой и пользовался горячей любовью и глубоким уважением верующих. Когда

Красная армия выдворила немецких захватчиков из пределов Крыма, протоиерей Иоанн с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих г. Симферополя в полуразрушенный немцами собор, совершил благодарственный молебен и произнес замечательную речь, навсегда оставившую след в сердцах слушателей. За молебном о даровании победы присутствовали воинские части. Иоанн Крашановский получил благодарность командования за патриотическую деятельность и материальную помощь раненым бойцам.

В Симферополе проживал особенно уважаемый верующими заслуженный протоиерей Николай Швец, он зачитал в своем кладбищенском храме патриотическое воззвание митрополита Сергия (Страгородского). Воззвание это получил и распространил среди верующих диакон этого же храма отец Александр Бондаренко. Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ, давно мечтавший о молитвенном общении с Православной церковью. Все они попали в немилость к заведующему церковным подотделом А. Д. Семенову и были расстреляны гестапо. Протоиерея Николая Швец обвиняли еще в том, что он крестил евреев.

Священник Владимир Соколов в начале 1942 года был назначен в с. Мандуш Бахчисарайского района. Это село не раз переходило из рук в руки. Много жителей его были в партизанском отряде. Священник Соколов все время поддерживал с партизанами связь. Когда спускались в село советские парашютисты, он получал от них газеты и распространял их, с опасностью для себя ходил слушать передачу радицентра через тайный приемник. Немцы сожгли дом неудобного им священника и издали приказ о расстреле всего мужского населения села. К счастью, Соколову с сыном удалось спастись и пробраться в Симферополь. Здесь священник Соколов познакомился со Смирновым, сын и внук которого организовали партизанский отряд в количестве 200 человек и ушли в лес. Соколов со Смирновым снова слушали радиопередачи из Москвы и распространяли полученные сведения. Священник Соколов жестоко пострадал от немцев: две его дочери - 17 и 20 лет - были угнаны в немецкую каторгу.

В Курской области священник села Глебова Павел Андреевич Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

16 февраля 1944 года при взятии города Луги войсками Красной армии генерал Лобанов вызвал ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен.

Многие клирики Русской Православной церкви в годы войны получили государственные награды. Но среди священнослужителей, геройски проявивших себя в годы войны, есть имена, которые так и остались неизвестными.